

УДК 801.15(470)

Языкознание

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

Лилия БЕГЛАРЯН

Ключевые слова: языковая норма, речевая практика, нарушение нормы, языковая традиция, отклонение от нормы, орфография, старомосковское произношение, кодификация.

Առանցքային բառեր՝ լեզվի կանոն, խոսքի պրակտիկա, կանոնի խախտում, լեզվի սովորույթ, շեղում կանոնից, ուղղագրություն, հին-մոսկովյան հնչեցում, կոդավորում:

Key words: language norm, speech practice, violation of norms, language tradition, aberration, spelling, pronunciation, codification.

Լ.Բեգլարյան

Լեզվի կանոն և խոսքի պրակտիկա

Հոդվածը նվիրված է լեզվի կարևոր խնդիրներից մեկին՝ լեզվի կանոնին և խոսքի պրակտիկային: Հոդվածում նախատեսվում է կանոնի նշանակությունը հաստատող փորձ, նրա կապը գրական լեզվի հետ, բերվում են նաև կանոնի խախտման օրինակներ: Անց է կացվում զուգահեռ հին մոսկովյան և նոր լեզվի կանոնի միջև, որը հիմնված է Պեշկովսկու տեսության հիման վրա: Հոդվածը վերանայում է նաև մի քանի դեպք լեզվական կանոնների ժխտման վերաբերյալ:

L.Beglaryan

The Language Norm and Speech Practice

The given article is devoted to one of the important problems of the language—language norm and speech practice. The aim of the article is to determine the definition of the norm, its relationship with the literary language, as well as the cases of violation of the norm. A parallel is drawn between the Old Moscow language and new language norm, based on the theory of Peshkovsky.

Статья посвящена одной из важных проблем языка – языковой норме и речевой практике. В статье предпринимается попытка определить значение нормы, связь ее с литературным языком, а также приводятся примеры нарушения нормы. Проводится параллель между старомосковской и новой языковой нормой, основанной на теории А.М. Пешковского. Статья рассматривает также некоторые случаи отклонения от языковой нормы.

В данной статье мы делаем попытку выявить значение нормы, связь ее с литературным языком, а также ее нарушение, отношение нормы языка и речевой практики.

Норма существует везде. Она присутствует и в нашей повседневной речи, в наших высказываниях. Норма есть и в языке. Норма в языке-это общепринятые в общественно-речевой практике правила произношения, грамматики и словоупотребления.

Норма-одно из лингвистических понятий. Чаще всего этот термин употребляется в сочетании “литературная норма” и применяется к тем разновидностям языка, которые используются в средствах массовой информации, в науке и образовании, а также в других сферах. Термин “норма” лингвисты используют в двух смыслах-широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые спонтанно формировались в течение многих веков и отличаются одну разновидность языка от других. В узком смысле норма-это результат кодификации языка. Кодификация опирается на традицию существования языка в данном обществе. Кодификация- это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Норма как результат кодификации неразрывно связана с понятием литературного языка, который и называют нормированным. Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка.

Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп общества обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также правил, которые содержатся в грамматике и в словарях. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил считается нарушением нормы.

Однако не секрет, что на всех этапах развития литературного языка при использовании его в разных коммуникативных условиях допускаются варианты языковых средств: можно сказать тво'рог- и твора'г, проже'кторы- и прожектора', вы пра'вы- и вы правы'.

Норма, по самой своей сути, сопряжена с понятием отбора. В своем развитии литературный язык черпает средства из других разновидностей национального языка – из диалектов, просторечия, жаргонов. Норма опирается на традиционные способы использования языка и настороженно относится к языковым новшествам.

“Нормой признается то, что было и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет”, – писал А.М. Пешковский. Он так объяснял это свойство и литературной нормы, и литературного языка: “Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествующего поколения. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой...”¹

Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Чем более развита литературная форма языка, тем меньше она изменяется от поколения к поколению людей, пользующихся этим языком.

Сравнение языка Пушкина и Достоевского, да и более поздних писателей с русским языком конца XX-нач. XXI века обнаруживает различия, свидетельствующие об исторической изменчивости литературной нормы.

Во времена Пушкина говорили: до'ма, корпусы, сейчас - дома', корпуса'. У Пушкина “Восстань, пророк...” следует понимать в смысле “встань”, а не в смысле “подними восстание”.

А. И. Герцен считал вполне нормальным оборот *произвести влияние*. Чехов говорил *в телефон*, а мы – *по телефону*.

Старомосковская произносительная норма ко II пол. XX в. была почти полностью вытеснена новым произношением: вместо *боюс, шыги, жыра, тихый, сливошное, грешневая, коришневая, строгый* подавляющее большинство носителей русского литературного языка стало говорить *боюсь, шаги, жара, тихий, сливочное, гречневая, коричневая, строгий*.

Источники обновления литературной нормы многообразны. Это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча. В ней есть то, что не одобряется официальной нормой, – необычное ударение, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. Возникают варианты: традиционное *обусловливать* вытесняется новым *обуславливать*, жаргонные слова *беспредел* и *тусовка* встречаются в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями литературной нормы: никого уже не удивляет, что можно *указывать о чем* вместо традиционно правильных конструкций *указывать что* и *указывать на что*.²

Все это свидетельствует о том, что речевая практика часто идет вразрез с нормативными предписаниями, и противоречие между тем, как надо говорить, и тем, как реально говорят, оказывается движущим стимулом эволюции языковой нормы.

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой.

В эпоху демократизации литературного языка в нем появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Форма родительного падежа множественного числа *носок* (несколько пар носок), наряду с традиционно-нормативной *носков*³ уступает просторечию, из которого форма родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием (носок) распространилась среди литературно говорящих. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются многие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: *до'говор, договора', догово'ро'в*⁴, наряду с традиционными *догово'р, догово'ры, догово'ров*; *война на уничтожение* вместо традиционной *война с целью уничтожения*.

Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых единиц, но и укреплению в нем новых моделей – словообразовательных, синтаксических. Многочисленные лексические заимствования из других языков, расширившие нормативный русский словарь в конце XX века, способствуют тому, что под влиянием иноязычных образцов появляются

¹Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык //Пешковский А.М. Избранные труды. М. 1959. с. 55

² Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц//. Вопросы языкознания. 2000 N 4. с.24

³ Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка М., 1994. Орфоэпический словарь русского языка М., 1997. с. 304

⁴ Там же. Орфографический словарь.с. 88

структурно новые типы слов. Например: сочетания вида *бизнес-план* – традиционной для русского языка моделью является словосочетание с родительным падежом: *план бизнеса*.

Еще более показательно давление речевой практики на традиционную норму в области орфографии. Например: написание слов, относящихся к религиозной сфере, с прописной буквы: *Бог, Рождество, Пасха, Библия* и др. возникло сначала в письменной практике, а затем было утверждено в качестве обязательной орфографической нормы. Но, согласно старой орфографической норме 1956г., все эти имена и названия надо было писать со строчной буквы.

Русская литературная норма отвергает глагольные формы типа *атаковывать, использовать, мобилизовывать*,¹ и т.п., хотя в 20-е годы XX в. они были весьма употребительны не только в просторечии, но и в литературной речи.

В процессе обновления нормы определенное значение имеет распространенность того или иного новшества в речевой практике.

“Даже если 90% будут говорить *документ*, это не станет литературной нормой”.

Распространенной, массовой может быть и явная ошибка: *инцидент, беспрецедентный*, встречающаяся в публичной речи. Это является нарушением произносительной правильной речи. Старомосковское произношение типа *булошная, скушно* вытесняется новыми произносительными вариантами: *булочная, скучно*, но на слова *конечно* и *что* это не распространяется. В словах *портфель, процент, средства, блага, начать* просторечный ореол слишком ярок, они слишком контрастируют с нормативной традицией, и поэтому путь в литературное произношение им закрыт.²

Современная речевая практика и факты, характерные для русского языка прошлого, свидетельствуют о влиянии на литературную речь и просторечия, и жаргонов, напр-р: слово *двурушник* вошло в литературный язык из нищенского арго: так называли нищего, который собирал милостыню двумя руками. Слово *животрепецующий* пришло из речи торговцев рыбой, *топорный* - из профессионального языка плотников; так говорили о плотничьей работе.

Врачи скорой помощи сетуют на то, что у них бывает по несколько *вызовов*, кулинары рассказывают о том, как они варят *супа* и изготавливают *торта*, а парфюмеры-крема’.

Распространенность подобных форм в профессиональной речи отмечалась лингвистами давно, однако увеличение частотности этих форм в публичной речи можно считать характерной чертой нашего времени. Необычное для традиционной литературной нормы словоупотребление порождает сфера административно-чиновничьего общения, где обычны такие слова, как *проговорить, обговорить* в значении “*обсудить*”.

Необходимо проговорить этот вопрос на совещании; обговорим это позднее.

Озадачить в значении “*поставить перед кем-нибудь какую-нибудь задачу. Главное-озадачить подчиненных*”.

Наблюдаются сознательные отклонения от нормы. Такие отклонения объясняются стремлением человека достичь коммуникативного комфорта в определенной социальной среде. Так, неправильное совмещение в одном значении двух близких по значению сочетаний (*играть значение - из играть роль и иметь значение*).

Сознательное обыгрывание фразеологизмов, намеренное отклонение от их нормативного употребления- это тоже один из приемов языковой игры. *Он съел в этом деле не одну собаку; они жили на широкую, но босую ногу; пиар во время чумы*.³

Итак, литературная норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию. Хотя речевая практика литературно говорящих людей ориентируется на норму, практика не всегда следует нормативным рекомендациям. Языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном согласовании собственных речевых действий с традиционными способами употребления языковых средств.

Установление твердых произносительных норм стало общественным делом.

¹ Обнорский С. П. Глагол использовать в совр. рус. яз. // Язык и мышление. т. 3-4. М., 1935.с 161, 168

² Аванесов Р. И. “Ожегов С. И. словарь-справочник. Русское литературное произношение” 1960г. с.31

³ Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой нормы. М. 2002г. с.54

Литература

1. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык //Пешковский А.М. Избранные труды. М. 1959.
2. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц//. Вопросы языкознания. 2000 N 4.
3. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка М., 1994. Орфоэпический словарь русского языка М., 1997.
4. Там же. Орфографический словарь.
5. Обнорский С. П. Глагол использовать в совр. рус. яз. // Язык и мышление. т. 3-4. М., 1935.
6. Аванесов Р. И. “Ожегов С. И. словарь-справочник. Русское литературное произношение” 1960г.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой нормы. М. 2002г.

Сведения об авторе:

Лилия Бегларян - доцент кафедры русского языка и литературы АрГУ.

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии, д.п.н., Б.М.Есаджанян.